

УДК 321.17; 321.61 (470+570)

ФЕНОМЕН РОССИЙСКОГО АВТОРИТАРИЗМА (К ВОПРОСУ О ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИИ)

Т.М. ПЕНСКАЯ*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail: penskaya@bsu.edu.ru*

Объектом исследования в данной статье является феномен российского авторитаризма как характерной черты российской государственности, начиная с эпохи позднего Средневековья. Цель работы заключается в изучении особенностей формирования авторитарной традиции в политическом и общественном российском сознании и выяснении причин его устойчивости, а также его роли в формировании Российского государства и общества.

Ключевые слова: авторитаризм, история России, Российское государство, политические традиции.

Приступая к работе над статьей, автор исходил из того, что ни один народ, ни одна культура, ни одна цивилизация изначально не предрасположена к авторитарному режиму правления. Естественно, что внутри каждого общества всегда существуют различные тенденции и потенции, в том числе и авторитарная, однако возможность их реализации на практике, утверждение в качестве ведущей, системообразующей зависит от конкретно-исторических обстоятельств, в которых складывается и развивается данное общество. Вне всякого сомнения, авторитаризм, деспотизм и тирания не являются порождением отдельных личностей и даже целых общественных групп и слоев. Авторитаризм не возникает из ничего, из пустоты подобно *Deus ex machina*, и не может висеть в воздухе, не имея соответствующей опоры. Эта тенденция, существуя внутри общества в скрытом, эмбриональном состоянии, развивается лишь при определенных условиях. В принципе, нет сомнений в том, что прошлое общества определяет его настоящее и будущее. И, поскольку всякое общество, любая культура является результатом длительного процесса формирования характерных именно для данного общества черт и институтов, то, естественно, авторитаризм в России возник не сразу, а в результате сложения определенных объективных и субъективных факторов. Но где, когда и при каких обстоятельствах дремавшая внутри русского общества авторитарная тенденция вышла из состояния «анабиоза» и начала разворачиваться? Что обусловило ее победу над всеми остальными? Была ли она порождением отдельных лиц, как полагают некоторые авторы, или же все-таки авторитаризм победил не потому, что этого хотели московские государи, церковные иерархи, мелкое дворянство или кто-либо еще, а в силу стечения обстоятельств, воздействия сложного комплекса внешних и внутренних факторов? Именно поэтому представляется интересным проследить процесс формирования авторитарной традиции в российском обществе «*ab ovo*», с того момента, когда началось складывание этого общества – т.е. фактически с того момента, когда на территории Восточной Европы начала формироваться Древнерусское государство – предшественник современного Российского государства, предложив свою версию развития событий и генезиса русского авторитаризма.

Прежде всего, отметим, что Древнерусское государство и государство Российское, его преемник, формировалось в сложных и в целом неблагоприятных природных условиях. Достаточно суровый климат, в массе своей малопродуктивные почвы, невыгодное стратегическое положение – все это накладывало свой отпечаток на развитие государственности на Руси и затем в России. И если в раннем Средневековье проблема неадекватности имевшихся в распоряжении киевских князей ресурсов задачам государственного строительства еще не была столь острой хотя бы потому, что средства для внешней экспансии и внутренней реорганизации во многом получались за счет успешной эксплуатации покоренных племен и народов или дани, полученной

от проигравших войну соседней, то позднее решать свои проблемы за счет соседней стало намного сложнее, если вообще возможно. Находившаяся на европейской периферии, вдали от основных центров политической, экономической и культурной жизни Европы, христианского мира в целом, Русь оказалась в ситуации, когда, решая свои проблемы, она могла опираться практически только на свои собственные силы¹. А их в силу отмеченных относительно неблагоприятных условий, было не так уж и много. Особенно это относится к Северо-Восточной Руси, ядру будущего Российского государства.

Чрезвычайно важную роль в развитии авторитарной традиции сыграло ордынское нашествие и попадание Северо-Восточной Руси в орбиту ордынского влияния. На наш взгляд, прав был А.Б. Каменский, который писал, характеризуя процесс становления Российского государства, что на его «...нравах, как и на вновь возникавших политических традициях, не могло не сказываться влияние ордынских образцов. Это были образцы централизованного государства со строго иерархизированным милитаризованным обществом с деспотическим режимом и развитой инфраструктурой подавления и управления населением. Степень влияния этих образцов на Московскую Русь опять же невозможно выразить математически, но само оно было неизбежным уже потому, что новое государство создавалось таким, чтобы его политические структуры могли успешно конкурировать с ордынскими...»². Исторический опыт взаимоотношений Руси и Орды показывал – для того, чтобы победить Орду и ее преемников (прежде всего Крымское и Казанское ханства), освободиться от политической и иных форм зависимости от нее, нужно было, прежде всего, разгадать секрет ее непобедимости и затем воспользоваться им. Секрет же успеха Орды заключался, прежде всего, в милитаризации ее государственного и общественного устройства со всеми вытекающими отсюда последствиями.

При этом, правда, не стоит забывать о том, что, согласно последним исследованиям, власть ордынских ханов, равно как и сама Орда, не были столь уж сильными, как представлялось ранее. Абсолютной была власть хана только как военного предводителя, тогда как в остальных случаях она была достаточно ограниченной. И, видимо, не случайным было то обстоятельство, что и на Руси военная централизация наступила прежде, чем политическая и экономическая.

Серьезную угрозу для независимости формирующегося Российского государства представляло Великое княжество Литовское, которое, воспользовавшись ослаблением Древней Руси в XIII веке, сумело серьезно расширить свои границы за счет включения в свой состав западных, юго-западных и большей части юго-восточных русских земель. На этом князья из рода Гедиминовичей не собирались останавливаться и не оставили планов присоединения к своим владениям и оставшейся независимой части Руси – во всяком случае, северо-западной.

Таким образом, к исходу Средневековья, к моменту, когда на северо-востоке Русской земли складывалось Российское государство, для него сложились достаточно неблагоприятные условия. Задачи, которые стояли перед ним, были весьма обширными, тогда как ресурсы, находившиеся в его распоряжении – ограничены. Российское государство и общество формировалось и развивалось, прежде всего, как аграрное, сельское хозяйство было основной отраслью экономики. Однако сельское хозяйство средневековой России не могло не быть крайне примитивным и малопродуктивным. «...Природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной Европы, для народов, которым суждено было здесь действовать – мачеха...» – совершенно справедливо отмечал С.М. Соловьев³. Вследствие этого рассчитывать на

¹ О кризисе древнерусской государственности см., например: Макаров Н.А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003. С. 5-11.

² Каменский А. Б. Российская империя в XVIII в: традиция и модернизация. М., 1999. С. 27.

³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 13. // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. VII. М., 1991. С. 8.

сколько-нибудь серьезный экономический подъем русской деревни за счет ее внутренних резервов было невозможно.

Какие последствия это имело для Российского государства? Вне всякого сомнения, самые негативные. Низкая урожайность имела своим следствием небольшой размер того прибавочного продукта, который государство могло изъять у крестьянина на свои нужды, не доводя его до голодной смерти. Однако это автоматически вело к возникновению проблемы выбора – что важнее, интерес всего государства в целом или же частный интерес определенной общины, интерес государственный или же интерес партикулярный, перспектива или же удовлетворение сиюминутных запросов. Не стоит забывать о том, что на первых порах Российское государство существенно отличалось от того образа восточной деспотии, которую рисовали в своих записках о России XVI – XVII веков иностранцы, поэтому в пору говорить о формировании в западном общественном сознании устойчивой «черной легенды» о России как стране с тиранической властью государя, подлинной восточной деспотии, стране «рабов, стране господ». Это негативный образ, возникший из-за непонимания особенностей формирования и развития российского государства и общества в эпоху Средневековья, и по сей день продолжает отравлять отношения между Западом и Россией⁴.

Самое примечательное в этом то, что эта легенда зарождается тогда, когда монархия в России вовсе не была абсолютной, а самодержавие в его позднем понимании еще только делало первые шаги. На первых порах своего существования Российское государство, Московия, никак не могла считаться деспотическим государством. И что с того, Иван Грозный в своем послании князю Андрею Курбскому утверждал, что московские государи «...жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же...»⁵ Для реального воплощения в жизнь этой формулы ни у Ивана III, ни у Василия III, ни даже у самого Грозного не было реальных сил. Этому требованию не соответствовал достигнутый к тому времени реальный уровень политического, экономического и социального развития Российского государства и общества, где формирующийся аппарат центральной власти дополнялся на местах сильными элементами местного самоуправления. Государство пока было относительно слабым, а власть, по замечанию Н.Н. Покровского, «базировалась не на единственном понятии «государство», а на двух понятиях – «государство» и «общество», на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними...»⁶. Крепнущей власти московского государя противостояли достаточно мощные силы, препятствовавшие его быстрому превращению в тирана и деспота. Это и православная церковь, и боярство, и служилый люд, посадские и даже черносошное крестьянство. Другое дело, что спокойное отношение москвитов к таким деспотическим изречениям своего монарха нельзя считать проявлением их извечных рабских наклонностей. Российское самодержавие было выстрадано многовековым опытом исторического развития русского государства и общества. Подданные московского царя инстинктивно чувствовали, что только могучий, грозный государь, был способен содержать сильную армию, мог обеспечить внутреннюю и внешнюю «тишину», спокойствие, стабильность, необходимое для нормальной жизни общества.

И это государство, которое можно смело назвать «недоцентрализованным», в конце XVI века вступает на путь достижения великодержавного статуса. В силу стечения исторических обстоятельств к тому моменту, когда Москва в целом завершила процесс формирования ядра русской государственности, под натиском турок-османов пала Византийская империя и балканские православные государства. Россия осталась единственным независимым православным государством, и православие с самого начала играло в его жизни чрезвычайно важную роль. В каком-то смысле слова, сказанные английским историком Н. Хеншеллом в отношении Франции позднего

⁴ См., например: Филюшкин А.И. Василий III. М., 2010. С. 236-241.

⁵ Послания Ивана Грозного. СПб., 2005. С. 30.

⁶ Алексеев Ю. Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 5.

Средневековья как страны, в которой «король правил не национальным государством, его подданные не обладали развитым национальным самосознанием...»⁷, имели самое непосредственное отношение к России конца XV – начала XVI века. В отсутствие развитого национального чувства именно православие, по словам российского историка А.Б. Каменского, «...было важнейшим условием, идеологической базой создания новой государственности», и именно оно «... обеспечивало единство русских людей и играло роль, аналогичную той, какую в течение многих веков играл иудаизм для евреев диаспоры»⁸.

Это неизбежно вело к тому, что Россия формировалась как государство в известном смысле теократическое, и, поскольку Московия как и всякое молодое государство, стремилось занять свое, вполне определенное место в политической структуре Европы, установить равноправные отношения с соседями, именно в православной религиозно-государственной доктрине искали московские книжники ответ на возникший вопрос «Кто мы? Зачем пришли в этот мир?». Пытаясь разрешить эту проблему, они выработали теорию «...о признании великого князя Владимирского суверенным «царем», не уступающим в могуществе и благочестии византийскому императору», о «православном великом самодержавстве», центральными, стержневыми идеями которой были перемещение центра православного христианства в Москву, превращение Русской земли (под которой понимались владения московского государя) в землю «истинного православия» и возвеличивание как русской православной церкви, так и правителей Российского государства»⁹. Под пером русских книжников Москва стала трактоваться как «новый центр православной ойкумены», а ее государь – как «вселенский», единственный царь, заступивший место последнего византийского императора. «Москва, – писал Б.А. Успенский, – осмысливается как Новый Константинополь и Третий Рим»¹⁰.

Обретенный новый статус ко многому обязывал. Как отмечал А.А. Горский, истинный, «правой» царь может быть только суверенным правителем, он не может подчиняться никакому другому государю¹¹. Окончательное освобождение от ордынского ига стало первым шагом на пути практической реализации новой политической доктрины растущего Российского государства, после чего последовали следующие. Москва должна была неизбежно вступить в борьбу с осколками Золотой Орды, где правили наследники прежних ордынских царей, наследники Чингис-хана. Кроме того, как единственные независимые православные государи, московские правители возложили на себя тяжелое бремя покровительства над всеми православными. Стремление же Москвы оказывать поддержку православию везде, где это будет необходимо, обязательно должно было рано или поздно вызвать конфликт с соседями – Османской империей и Великим княжеством Литовским, объединенным личной унией с Польским королевством. Ведь и там, и там значительная часть подданных придерживалась православного вероисповедания.

Неизбежным было и обострение противоречий с католическим Западом, которые были не только следствием старого спора католицизма и православия, начавшегося еще до того, как «Великая схизма» 1054 года расколола христианский мир. Заявив о себе как о единственных законных претендентах на византийское наследство, русские получили как составную его часть и негативное отношение к Западу, к «франкам».

Это чувство избранности, одинаковое для западного и византийского мироощущения, неизбежно вело к антагонизму, непониманию между представителями двух миров, двух цивилизаций при встрече друг с другом. И этот антагонизм по на-

⁷ Хеншелл Н. Миф абсолютизма. СПб., 2003. С. 14.

⁸ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 1999. С. 27-28.

⁹ Клосс Б. М. Избранные труды в 2-х т. Т. 2. М., 2001. С. С. 151-152, 155-156, 161-162.

¹⁰ Успенский Б. А. Царь и патриарх. М., 1998. С. 14.

¹¹ Горский А. А. Русь. От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 305.

следствию перешел к русским. В самом деле, в Москве не могли не связать падение Византийской империи с Флорентийской унией 1439 г., в результате которой Византия согласилась на церковную унию с Римом и признала верховную власть римского папы в религиозных вопросах (и в перспективе – в политических), пойдя на серьезные уступки латинянам. Русская же земля, сохранив в чистоте истинную веру, принятую прадедами от византийцев, не только выжила, но и вскоре после этого вернула себе независимость, освободившись от ордынского ига и превратившись в одно из сильнейших государств Восточной Европы. Такой метаморфоз не мог не вызвать у русских чувства своей избранности, особой роли хранителей и защитников истинного православия, истинной веры в океане неверных, схизматиков и еретиков. Мессианизм и чувство избранности, постепенно набравшие вес в Москве, привели к рождению знаменитой концепции «Москва есть III Рим, два Рима пали, а четвертому не бывать». И подобно тому, как на небе не могло быть больше одного Бога, так и на земле не могло быть больше одной Империи. Но могла ли согласиться с такой постановкой Европа?

В принципе нет особых возражений против высказанного американским исследователем С. Хантингтоном мнения, суть которого заключается в том, что, начиная с 1500 года формирующиеся государства Запада «представляли собой многополюсную международную систему в пределах западной цивилизации. Они взаимодействовали и конкурировали друг с другом, вели войны друг против друга. В то же время западные нации расширялись, завоевывали, колонизировали и оказывали несомненное влияние на все остальные цивилизации...»¹². Это влияние носило не только мирный характер. Напротив, в ту эпоху оно осуществлялось намного чаще посредством вооруженной агрессии, военным путем. Войны же между цивилизациями всегда носили ярко выраженный антагонистический характер. Как правильно подметил еще сто лет назад русский военный историк и теоретик Н.П. Михневич, «...войны однокультурных народов всегда более или менее нерешительны; войны разнокультурных – всегда роковые...»¹³.

Именно такого рода межцивилизационный конфликт и разгорелся в конце XV века на востоке Европы между, с одной стороны, Москвой, претендовавшей на статус единственного наследника Византийской империи, а с другой Польшей и Литвой как окраиной западного мира и осколками Золотой Орды – Казанским и Крымским ханствами. Копившиеся веками противоречия и претензии разрядились в многолетнем конфликте, ставкой в котором было безо всякого преувеличения победа или смерть, устранение геополитического конкурента. Противостояние Речи Посполитой и Российского государства стало главным событием второй половины XVI и XVII веков. Эта длившаяся десятилетиями борьба вынудила обоих противников напрячь все свои силы, и наложила неизгладимый след на оба государства и общества. В менее богатой и развитой культурно и экономически России это выразилось в том числе и в ускорении процессов становления авторитарной традиции.

Таким образом, суровый климат, особенности географического и стратегического положения, сложные политические и экономические условия, в которых складывалось и затем развивалось Российское государство, способствовали утверждению авторитарной традиции как системообразующей. Россия была вынуждена пойти по пути развития самодержавия как формы политической организации, в которой интересы государства стояли превыше всего. Нельзя забывать и о том, что эта тенденция была освящена авторитетом православной церкви, что для консервативного, строящегося на соблюдении традиций, социума, каким было долгое время (вплоть до 50 – 60-х годов XX века) российское общество, имело огромное значение. В самом деле, если на Западе и в поздней Византийской империи церковь играла роль противовеса росту авторитарных тенденций в политике монархии, то в России, судя по

¹² Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. С. 16.

¹³ Михневич Н. П. Стратегия. Кн. 1. СПб., 1906. С. 36.

всему, все выглядело несколько иначе. В этом отношении особый интерес представляет замечание, которое сделал Г.П. Федотов, анализируя причины победы Иосифа Волоцкого в споре с нестяжателями. По его мнению, победа Иосифа была предопределена «...созвучием его дела национально-государственному идеалу Москвы с ее суровой дисциплиной, напряжением всех социальных сил и закреплении их в тягле и службе. Последнее объяснение легкой победы осифлян – в торжестве национально-государственных задач над внутренне-религиозными...»¹⁴. Русская православная церковь формировалась вместе с Российским государством и имела ярко выраженный национальный характер, что, естественно, ставило ее в определенную зависимость от государства, делало ее позиции в противостоянии растущей силе монархии уязвимыми. В какой-то степени эта уязвимость была связана также и с особенностями самой православной церкви, которая, будучи «надмирной» структурой и не обладая необходимыми инструментами для вмешательства в мирские дела, нуждалась в помощи и содействии государства. Однако эта нужда могла быть повернута и другой стороной, что и случилось в конечном итоге на самом деле. Русская церковь не смогла стать настоящим противовесом формирующемуся абсолютизму и авторитаризму, подчинившись власти и став ее послушным инструментом.

В конечном итоге, благодаря совокупному воздействию всех этих факторов, авторитарная тенденция в России победила. В течение XVI – XVII веков на востоке Европы постепенно складывается «служилое» государство, в котором частные интересы были подчинены государственному. Трудно не согласиться с мнением М.Д. Карпачева, который отмечал, что «скудость ресурсов, связанная с отсталостью экономических отношений, при высоких государственных потребностях побуждала самодержавие проводить жесткую регламентацию общественной жизни. Государственные интересы в России всегда доминировали над общественными, иначе власть просто не смогла бы сконцентрировать в своих руках необходимые средства...»¹⁵.

Подводя общий итог всему вышесказанному, выскажем предположение, что формирование авторитарной традиции в политической жизни российского общества связано было со стремлением Российского государства завоевать доминирующие позиции в Восточной Европе как залога успешного развития. В условиях нехватки соответствующих ресурсов изыскать эти ресурсы можно было только путем последовательной концентрации власти в руках монарха, олицетворявшего собой государство. Именно эта концентрация власти позволила Петру I, совершив консервативную «революцию», завершить процесс формирования империи, великой державы. Одновременно завершился и процесс формирования авторитарной традиции, начавшийся, по нашему мнению, в эпоху кризиса древнерусской государственности. Успех, достигнутый Петром и его предшественниками, «освятил» эту традицию, продемонстрировал ее потенциал и задал те рамки, в которых предстояло развиваться российской государственности и обществу в будущем. В известной степени можно согласиться с мнением, высказанным Е.Г. Плимаком и И.К. Пантиним, которые писали, что «...Петр I не просто «прорубил окно в Европу», он создал, на наш взгляд, сам «архетип», или «генотип» развития России, при которой задачей самодержавного абсолютизма становилось прежде всего и помимо всего создание и поддержание военного могущества страны ради обеспечения своих каких угодно: геополитических, панславистских, империалистических, а позже всемирнокоммунистических притязаний. Менялись «формации», системы и режимы, имена и деяния властителей, но сама нацеленность их политики и дипломатии оставалась прежней...»¹⁶

¹⁴ Федотов Г. П. Трагедия древнерусской святости // Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 2003. С. 579.

¹⁵ Карпачев М. Д. «Каким был народ, таким было и государство». Материалы круглого стола «Российский старый порядок: опыт исторического синтеза» // Отечественная история. 2000. № 6. С. 92.

¹⁶ Плимак, Е. Г., Пантин, И. К. Драма российских реформ и революций. М., 2000. С. 15.

Очевидно, что и сегодня, когда Россия снова пытается вернуться в клуб «великих держав», откуда она «выпала» в начале 90-х годов минувшего столетия, у авторитарной традиции есть определенные шансы возродиться снова, тем более что прошло не так уж и много времени, и она еще не успела стать забытой, перевернутой страницей в истории Российского государства и общества.

PHENOMENON OF THE RUSSIAN AUTHORITARIANISM (TO A QUESTION OF ITS ORIGIN)

PENSKAYA T.M.

*Belgorod National
Research University*

e-mail:

penskaya@bsu.edu.ru

The object of research in this article is the phenomenon of the Russian authoritarianism as characteristic line of the Russian statehood since an epoch of the late Middle Ages. The work purpose consists in studying of features of formation of authoritative tradition in political and public consciousness of the Russian society and finding-out of the reasons of its stability, and also its role in formation of the Russian state and a society.

Key words: history of Russia, the Russian state, political traditions, authoritarianism